- АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО -

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-344-351
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

СТЕПАНОВ Радик Геннадьевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры таможенного администрирования факультета безопасности и таможни Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ORCID: https://orcid.org/0009-0006-9511-2524,
e-mail: stepanovrg@bk.ru

ПРОСЛЕЖИВАЕМОЕ УСМОТРЕНИЕ В КАДРОВЫХ ПРОЦЕДУРАХ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ: АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ СНИЖЕНИЯ ПРОЦЕДУРНОЙ КОРРУПЦИОГЕННОСТИ

Аннотация. *Статья посвящена разработке административно-правовой модели снижения процедурной коррупциогенности кадровых решений в таможенных органах Российской Федерации. Исходной предпосылкой служит выявленное противоречие между персональной формой профилактических обязанностей и процедурной природой коррупционного риска: действующее законодательство концентрирует профилактическое воздействие на должностном лице, тогда как коррупционная возможность воспроизводится структурой административной процедуры. На основе догматико-правового анализа Федерального закона «О противодействии коррупции», законодательства о государственной гражданской службе, ведомственных актов ФТС России, а также обезличенных статистических данных комиссий по урегулированию конфликта интересов одного из региональных таможенных управлений за 2023-2024 гг. разграничиваются нормативная и процедурная коррупциогенность; формулируется понятие прослеживаемого усмотрения; предлагается диагностическая матрица коррупциогенности кадровых процедур. Сравнительно-правовой блок включает анализ моделей противодействия коррупции в таможенных администрациях государств - членов ЕАЭС, а также стандартов Всемирной таможенной организации и европейской практики. Сформулированы предложения по совершенствованию ведомственного нормотворчества, направленные на обеспечение предсказуемости административного воздействия.*

Ключевые слова: *противодействие коррупции, таможенные органы, кадровые процедуры, конфликт интересов, прослеживаемое усмотрение, коррупциогенность процедуры, государственная гражданская служба, внешнеэкономическая деятельность, антикоррупционная экспертиза, административное усмотрение.*

Для цитирования: *Степанов Р. Г. Прослеживаемое усмотрение в кадровых процедурах таможенных органов: административно-правовая модель снижения процедурной коррупциогенности // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 344–351.*

STEPANOV Radik G.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Customs Administration, Faculty of Security and Customs, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

TRACEABLE DISCRETION IN CUSTOMS PERSONNEL PROCEDURES: AN ADMINISTRATIVE-LEGAL MODEL FOR REDUCING PROCEDURAL CORRUPTION RISK

Annotation. *The article develops an administrative-legal model for reducing procedural corruption risk in personnel decisions of the customs authorities of the Russian Federation. The*

starting premise is the identified contradiction between the personal form of preventive obligations and the procedural nature of corruption risk: current legislation concentrates preventive impact on the individual official, whereas the corruption opportunity is reproduced by the structure of the administrative procedure itself. Based on the dogmatic-legal analysis of the Federal Law «On Combating Corruption», civil service legislation, departmental acts of the Federal Customs Service, as well as anonymised statistical data of conflict-of-interest commissions of a regional customs administration for 2023-2024, the paper distinguishes normative and procedural corruption risk; formulates the concept of traceable discretion; and proposes a diagnostic matrix of corruption risk in personnel procedures. The comparative-law section examines anti-corruption models in the customs administrations of EAEU member states, as well as standards of the World Customs Organization and European practice. Proposals for improving departmental regulation are formulated, aimed at ensuring the predictability of administrative impact.

Key words: *anti-corruption, customs authorities, personnel procedures, conflict of interest, traceable discretion, procedural corruption risk, civil service, foreign economic activity, anti-corruption expertise, administrative discretion.*

For citation: *Stepanov R. G. Traceable discretion in customs personnel procedures: an administrative-legal model for reducing procedural corruption risk. Russian scientific bulletin. 2026; (11):344–351. (In Russ.).*

Введение

Таможенные органы Российской Федерации занимают особое положение в системе федеральных органов исполнительной власти. Их компетенция одновременно включает функции таможенного контроля, валютного контроля, обеспечения мер нетарифного регулирования, экспортного контроля, а также выявление и пресечение преступлений и административных правонарушений [1]. Столь широкая компетенция, помноженная на постоянную коммуникацию с участниками внешнеэкономической деятельности (далее - ВЭД), формирует повышенные риски коррупционных правонарушений, что признается как в доктрине [2; 3], так и в ведомственных документах ФТС России. Коррупционная уязвимость таможенных процедур трансформируется в непредсказуемость административного воздействия, порождая дополнительные транзакционные издержки для бизнеса и снижая конкурентоспособность национальных таможенных процедур [4; 5]. В этом смысле антикоррупционное обеспечение кадровой политики таможенных органов выступает и инструментом защиты публичной службы, и условием правовой определённости внешнеторговой деятельности.

Действующая модель противодействия коррупции выстроена преимущественно вокруг системы индивидуальных обязанностей государственного служащего. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее - ФЗ № 273-ФЗ) закрепляет обязанности представлять сведения о доходах, сообщать о склонении к совершению коррупционных правонарушений, предотвращать и урегулировать конфликт интересов [6]. Аналогичный субъектный контур воспроизведён в законодательстве о государственной гражданской службе и о службе в таможенных органах [7; 8], а также в ведомственных актах ФТС России, включая Кодекс этики и служебного поведения [9].

В доктрине проблематика противодействия коррупции в таможенных органах разработана менее интенсивно, чем общие вопросы коррупционной правонарушительности. Отдельные аспекты управления коррупционными рисками рассматривались А. В. Назарчуком и Г. М. Бровкой [10; 11], правовые основы противодействия коррупции анализировались В. Д. Ковалем [12]. Методологические вопросы разрешения конфликта интересов получили развитие в исследовании Е. Н. Петрушко и А. А. Турьянского [13], а практика конкурсного отбора изучалась Е. А. Рыховой [14]. Вместе с тем в указанной литературе преобладает подход, который можно обозначить как персональную редукцию профилактики: объектом воздействия выступает должностное лицо, его имущество и репутация, тогда как структура процедуры принятия кадрового решения остаётся институционально неизменной.

Между тем именно процедура занимает промежуточное положение между нормой и деянием. Антикоррупционная экспертиза по Федеральному закону от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ адресована тексту нормативного правового акта [15]; дисциплинарная ответственность - конкретному деянию лица. Правоприменительная процедура не является ни тем, ни другим и потому выпадает из предметной области обоих инструментов. Указанное противоречие формулирует исследовательский вопрос: какие административно-правовые конструкции позволяют снизить коррупциогенность кадровых процедур, не устраняя законного административного усмотрения? Рабочая гипотеза состоит в том, что результативность предупреждения коррупции определяется степенью про-

слеживаемости кадрового решения - возможностью независимой реконструкции его оснований по зафиксированным материалам. Цель работы - разработать административно-правовую модель управления процедурной коррупциогенностью в таможенных органах.

Теоретические основания: нормативная и процедурная коррупциогенность

Ключевым теоретическим результатом работы является разграничение двух видов коррупциогенности, которые в действующем законодательстве не разделены. Нормативная коррупциогенность - свойство текста нормативного правового акта, выражающееся в наличии коррупциогенных факторов, определённых Методикой, утверждённой постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 [16]. Антикоррупционная экспертиза адресована исключительно нормативным актам и их проектам. В системе ФТС России порядок её проведения регламентирован приказом от 29 декабря 2020 г. № 1162 [17].

Процедурная коррупциогенность - свойство правоприменительной конструкции, сохраняющееся даже при безупречном тексте нормы. Она возникает там, где дискреционность должностного лица не сопровождается критериями выбора, мотивированной фиксацией оснований и возможностью внешней проверки. Формула, предложенная в доктрине, - «коррупционный риск = монополия + произвол - ответственность» [18, с. 686] - точно описывает процедурную коррупциогенность, но не предлагает инструмента её измерения.

Применительно к кадровым процедурам таможенных органов процедурная коррупциогенность проявляется в пяти индикаторах, образующих авторскую диагностическую матрицу (таблица 1). Концептуально данная матрица опирается на идею прослеживаемого усмотрения. Термин «прослеживаемость» уже устоялся в таможенном праве (система прослеживаемости товаров, РНПТ). Перенос этой категории на административное усмотрение означает, что решение должностного лица должно оставлять документальный след, позволяющий восстановить логику выбора. Матрица предлагается как эвристический диагностический инструмент; её валидация на расширенной выборке таможенных органов — задача дальнейшего исследования.

Таблица 1. Диагностическая матрица процедурной коррупциогенности кадровых решений

Каждый индикатор оценивается по шкале: 0 - отсутствует; 1 - выражен частично; 2 - выражен устойчиво. Интегральный показатель варьируется от 0 до 10 баллов. Матрица позиционируется как диагностический инструмент, позволяющий выявить «слепые зоны» в ведомственном нормотворчестве.

Кадровые процедуры: дефицит прослеживаемости

Противодействие коррупции в таможенных органах начинается с подбора кадров. В системе таможенных органов граждане проходят два вида службы - государственную гражданскую службу и службу иных видов. Правовой статус регулируется соответственно Федеральным законом от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ [7] и Федеральным законом от 21 июля 1997 г. № 114-ФЗ [8].

Конкурс на замещение вакантной должности гражданской службы проходит в два этапа: проверка документов и непосредственная оценка знаний конкурсной комиссией. Однако процедура содержит ряд коррупциогенных дефектов. Во-первых, конкурсная процедура не является прозрачной: результаты размещаются на официальном сайте, однако основания принятия решения не разглашаются, комиссия принимает решение в отсутствие конкурсантов, участие общественных представителей не является обязательным [14, с. 112]. Во-вторых, в отношении сотрудников, поступающих на службу иных видов, нормативно не установлены формализованные критерии оценивания. Формулировка законодателя носит оценочный характер: гражданин должен быть способен по своим личным и деловым качествам обеспечивать выполнение функций [8]. Наличие оценочных понятий при отсутствии состязательного элемента формирует зону неограниченного усмотрения. В-третьих, должности сотрудников не всегда размещаются в открытом доступе, что создаёт возможность отказа претендентам за «отсутствием вакантных мест» без внешних проверок [27].

Применение матрицы (таблица 1) к конкурсной процедуре даёт следующий результат: дискреционная варьируемость - 2; критериальная незаполненность - 2; информационная асимметрия - 2; мотивировочная недостаточность - 2; контрольная невоспроизводимость - 1. Интегральный показатель - 9 из 10, что соответствует высокому уровню процедурной коррупциогенности.

Кадровый резерв руководящего состава формируется в соответствии с приказом ФТС России от 7 апреля 2017 г. № 548 [19]. При выдвижении кандидатуры представляется характеристика, одобренная кадровыми подразделениями и подразделениями по противодействию коррупции. Однако процедура формирования резерва также не предусматривает публикации мотивированного сравнительного заключения, что ограничивает внешнюю проверяемость. Принципиальное различие между публикацией результата и прослеживаемостью решения является ключевым. Публикация результата не позволяет уста-

новить, почему назначен именно этот кандидат. Прослеживаемость предполагает возможность реконструкции мотивов выбора.

Конфликт интересов: от уведомительной модели к управляемому состоянию

Конфликт интересов представляет собой ситуацию, при которой личная заинтересованность должностного лица влияет или может повлиять на надлежащее исполнение им должностных обязанностей [6, п. 1 ч. 3 ст. 10]. ФЗ № 273-ФЗ устанавливает обязанность принимать меры по недопущению возможности возникновения конфликта интересов, а также уведомлять представителя нанимателя. Порядок уведомления установлен приказом ФТС России от 17 января 2025 г. № 35 [20]. Анализ обезличенных статистических данных комиссий по урегулированию конфликта интересов одного из региональных таможенных управлений за 2023-2024 гг. позволяет выявить ряд тенденций (таблица 2).

Таблица 2. Деятельность комиссий по урегулированию конфликта интересов (региональное таможенное управление), 2023-2024 гг.

Анализ данных позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, прослеживается тенденция к уменьшению количества заседаний комиссий, что может свидетельствовать как о повышении качества профилактической работы, так и о снижении активности выявления. Во-вторых, структура принимаемых решений остаётся практически неизменной: в обоих периодах по 34 уведомлениям даны рекомендации. Это позволяет предположить, что комиссия работает в режиме «конвейера рекомендаций», не дифференцируя меры урегулирования по существу ситуации. В-третьих, по всем случаям сообщений организаций о заключении трудового договора с бывшим государственным служащим было дано согласие, что ставит вопрос о реальной проверочной функции комиссии.

Существенной проблемой является отсутствие в законодательстве описания типичных ситуаций конфликта интересов. Закон указывает на лиц, состоящих в «иных близких отношениях» [6]. Остаётся неясным, что понимать под этим термином и как будет оцениваться этот характер отношений. В области противодействия коррупции не может существовать терминов, свободных к толкованию, поскольку это открывает дорогу к волюнтаризму.

Сравнительно-правовой блок: ЕАЭС и зарубежные модели

Все государства - члены Евразийского экономического союза ратифицировали Конвенцию ООН против коррупции [21]. Таможенный кодекс ЕАЭС прямо не затрагивает вопросы противодействия коррупции, однако определяет, что таможенные органы выполняют функции, устанавливаемые национальным законодательством [22]. Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» закрепляет функции таможенных органов в области противодействия коррупции [23]. В государствах - членах ЕАЭС модели противодействия коррупции существенно различаются: в Республике Казахстан функции возложены на специализированное антикоррупционное агентство, осуществляющее системный мониторинг рисков. За пределами ЕАЭС показателен опыт Китайской Народной Республики, где надзор осуществляется Национальной надзорной комиссией.

Всемирная таможенная организация (ВТамО) разработала стандарты в области добросовестности. Пересмотренная Аррушская декларация о добросовестности в таможенной сфере (Revised Arusha Declaration on Customs Integrity, 2003) [24] определяет десять элементов программы добросовестности, среди которых: прозрачность процедур, управление рисками добросовестности, подотчётность руководства. Принципиально важно, что модель ВТамО акцентирует не персональный контроль, а институциональное проектирование процедур, что коррелирует с концепцией прослеживаемого усмотрения.

В Европейском союзе функции по противодействию мошенничеству в таможенной сфере осуществляет Европейское бюро по борьбе с мошенничеством (OLAF) [25]. Модель OLAF включает независимое расследование и обязательное информирование. В европейской модели профилактика интегрирована в общую систему управления рисками, а не выделена в самостоятельный персональный контур. Сопоставление показывает, что российская модель тяготеет к персонально-обязанностному подходу, тогда как международные стандарты демонстрируют переход к процедурно-институциональному управлению.

Модель прослеживаемого усмотрения: структура и элементы

Центральным результатом работы является модель прослеживаемого усмотрения - четырёхэлементная конструкция, применимая к кадровым процедурам таможенных органов.

Элемент 1. Экспликация (ex ante). Заранее опубликованные критерии и границы усмотрения по конкретной должности. Применительно к кадровому конкурсу: критерии оценки должны быть сформулированы и опубликованы до объявления конкурса, а не определяться комиссией в процессе его проведения.

Элемент 2. Мотивированная альтернативность (ex nunc). Фиксация не только принятого решения, но и отклонённых альтернатив с ука-

занием причин. Конкурсная комиссия должна составлять мотивированное сравнительное заключение, содержащее балльную оценку каждого кандидата.

Элемент 3. Симметризация информации (ex nunc). Доведение до участника процедуры оснований решения в объёме, не составляющем государственную тайну. Кандидат, не прошедший конкурс, должен иметь право на получение мотивированного объяснения.

Элемент 4. Внешняя воспроизводимость (ex post). Сохранение «решенческого следа» - протокола действий, версии нормативной базы на дату решения, - позволяющего независимой проверке восстановить логику выбора.

Применение модели предполагает следующие меры: публикация реестров вакантных должностей всех видов службы; установление формализованных критериев оценки; публикация выдержек из протоколов заседаний конкурсной комиссии; включение независимых экспертов в состав комиссии; закрепление типового реестра конфликтных ситуаций по должностным профилям в ведомственном акте ФТС России.

Обсуждение

Предлагаемая модель не является альтернативой действующей системе персональных обязанностей. Она дополняет её, перенося часть профилактической нагрузки с должностного лица на структуру процедуры. Это согласуется с принципом приоритета мер предупреждения коррупции (ст. 3 ФЗ № 273-ФЗ). Вместе с тем, необходимо обозначить пределы применимости модели. Полная прослеживаемость невозможна в процедурах, связанных с государственной тайной и оперативно-розыскной деятельностью. Кроме того, модель требует дополнительных административных ресурсов: составление мотивированных заключений увеличивает нагрузку на кадровые подразделения.

Следует также учитывать, что механизм административной ответственности должностных лиц за коррупционные правонарушения остаётся фрагментарным: ст. 19.28 КоАП РФ адресована юридическим лицам, тогда как в отношении должностного лица реально применяются дисциплинарная либо уголовная ответственность. Этот пробел снижает эффективность профилактической модели. Предлагаемая модель соотносится с тенденциями цифровизации. Создание «электронной таможни», автоматизация функций (электронное декларирование, автоматический выпуск) объективно снижают коррупционные эффекты за счёт минимизации контакта должностного лица с подконтрольным субъектом [26, с. 73]. Как отмечается в исследованиях, технологическое совершенствование таможенного контроля и применение искусственного интеллекта минимизируют транзакционные издержки и снижают риски контрабанды [27]. Внедрение элементов прослеживаемого усмотрения в кадровые процедуры могло бы быть усилено за счёт цифровых инструментов: автоматизированной балльной оценки и электронного протоколирования. Институт таможенных представителей также выступает субъектом минимизации транзакционных издержек [4], однако его эффективность напрямую зависит от предсказуемости и прозрачности действий должностных лиц таможенных органов, что вновь возвращает нас к необходимости процедурной прослеживаемости.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

Разграничение нормативной и процедурной коррупциогенности позволяет объяснить, почему антикоррупционная экспертиза нормативных актов не устраняет коррупционные риски кадровых процедур: предмет экспертизы - текст нормы, а не процедура её реализации.

Диагностика кадровых процедур с применением авторской матрицы выявляет высокий уровень процедурной коррупциогенности конкурсного отбора (9 из 10 баллов).

Анализ статистики комиссий по урегулированию конфликта интересов свидетельствует о тенденции к формализации их работы («конвейер рекомендаций»).

Модель прослеживаемого усмотрения, включающая экспликацию критериев, мотивированную альтернативность, симметризацию информации и внешнюю воспроизводимость, предлагает переход от персонально-обязанностного к процедурно-институциональному управлению рисками.

Предложения по совершенствованию ведомственного нормотворчества ФТС России могут быть реализованы без изменения федерального законодательства и направлены на обеспечение предсказуемости административного воздействия на участников ВЭД.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с экспертной валидацией диагностической матрицы на расширенной выборке таможенных органов, а также с разработкой проекта ведомственного акта о типовом реестре конфликтных ситуаций по должностным профилям.

Список литературы:

[1] Постановление Правительства РФ от 23.04.2021 № 636 «Об утверждении Положения о Федеральной таможенной службе...» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 17. Ст. 2988.

[2] Белоусов Ю. Л., Путилов П. Н. Противодействие коррупции в таможенных

органах Российской Федерации // Universum: экономика и юриспруденция. 2018. № 2 (47). С. 1-6.

[3] Ульянов Д. В. Проблема борьбы с коррупцией в таможенных органах // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 2-3. С. 107-109.

[4] Степанов Р. Г., Лядов О. А. Таможенный представитель как субъект минимизации транзакционных издержек во внешнеэкономической деятельности // Инновации и инвестиции. 2025. № 9. С. 45-49.

[5] Степанов Р. Г. Экономическая эффективность и правовые аспекты таможенного контроля после выпуска товаров: опыт Северо-Западного таможенного управления // Экономика и предпринимательство. 2025. № 12 (185). С. 112-116.

[6] Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 4. Ст. 383.

[7] Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

[8] Федеральный закон от 21.07.1997 № 114-ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 30. Ст. 3586.

[9] Приказ ФТС России от 30.12.2021 № 1187 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения должностных лиц таможенных органов Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru.

[10] Назарчук А. В. Управление коррупционными рисками в таможенных органах как направление развития транзитного потенциала государства // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 5-2. С. 178-184.

[11] Бровка Г. М., Назарчук А. В. Управление коррупционными рисками в таможенных органах ЕАЭС: базовые аспекты // Экономическая наука сегодня. 2019. № 10. С. 45-52.

[12] Коваль В. Д. Правовые основы противодействия коррупции в системе таможенной службы // БГЖ. 2016. № 4 (17). С. 371-374.

[13] Петрушко Е. Н., Турьянский А. А. Основные методологические направления совершенствования технологии разрешения конфликта интересов при прохождении государственной службы в таможенных органах Российской Федерации // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 1. С. 1-17.

[14] Рыхлова Е. А. Практика и проблемные вопросы конкурсного отбора для поступления на службу в таможенные органы // Проблемы экономики и юридической практики. 2015. № 1. С. 111-116.

[15] Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 29. Ст. 3609.

[16] Постановление Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 9. Ст. 978.

[17] Приказ ФТС России от 29.12.2020 № 1162 «Об утверждении Порядка проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов Федеральной таможенной службы» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru.

[18] Карачина Н. О. Коррупционные риски // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 685-687.

[19] Приказ ФТС России от 07.04.2017 № 548 «Об утверждении Инструкции об организации работы по формированию кадрового резерва...» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru.

[20] Приказ ФТС России от 17.01.2025 № 35 «Об утверждении Порядка уведомления представителя нанимателя... о возникновении личной заинтересованности...» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru.

[21] Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи ООН 31 октября 2003 г.) // Бюллетень международных договоров. 2006. № 10. С. 7-54.

[22] Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11.04.2017) // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: http://www.eurasiancommission.org..

[23] Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 32 (ч. I). Ст. 5082.

[24] Revised Arusha Declaration on Customs Integrity. World Customs Organization, 2003. URL: http://www.wcoomd.org.

[25] Regulation (EU, Euratom) No 883/2013 of the European Parliament and of the Council of 11 September 2013 concerning investigations conducted by the European Anti-Fraud Office (OLAF) // Official Journal of the European Union. L 248. P. 1-22.

[26] Степанов Р. Г. Технологическое и инсти-

туциональное совершенствование таможенного контроля в Российской Федерации: экономические последствия контрабанды и роль искусственного интеллекта // Экономика и предпринимательство. 2025. № 12 (185). С. 98-103.

References:

[1] Decree of the Government of the Russian Federation of 23.04.2021 No. 636 "On approval of the Regulation on the Federal Customs Service..." // Collection of legislation of the Russian Federation. 2021. № 17. Art. 2988.

[2] Belousov Yu. L., Putilov P. N. Countering corruption in the customs authorities of the Russian Federation // Universum: economics and jurisprudence. 2018. № 2 (47). S. 1-6.

[3] Ulyanov D.V. The problem of combating corruption in customs authorities // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. № 2-3. S. 107-109.

[4] Stepanov R.G., Lyadov O.A. Customs representative as a subject of minimization of transaction costs in foreign economic activity // Innovations and investments. 2025. № 9. S. 45-49.

[5] Stepanov R. G. Economic efficiency and legal aspects of customs control after the release of goods: the experience of the North-West Customs Administration // Economics and Entrepreneurship. 2025. № 12 (185). S. 112-116.

[6] Federal Law of 25.12.2008 No. 273-FZ "On Combating Corruption" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2009. № 4. Art. 383.

[7] Federal Law of 27.07.2004 No. 79-FZ "On the State Civil Service of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2004. № 31. Art. 3215.

[8] Federal Law of 21.07.1997 No. 114-FZ "On Service in the Customs Authorities of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1997. № 30. Art. 3586.

[9] Order of the Federal Customs Service of Russia dated 30.12.2021 No. 1187 "On approval of the Code of Ethics and Official Conduct of Officials of the Customs Authorities of the Russian Federation" // Official Internet portal of legal information. URL: http://pravo.gov.ru.

[10] Nazarchuk A. V. Management of corruption risks in customs authorities as a direction of development of transit potential of the state // Economy and business: theory and practice. 2021. № 5-2. S. 178-184.

[11] Brovka G.M., Nazarchuk A.V. Management of corruption risks in the customs authorities of the EAEU: basic aspects // Economic science today. 2019. № 10. S. 45-52.

[12] Koval V. D. Legal Framework for Combating Corruption in the Customs Service System // BGJ. 2016. № 4 (17). PP. 371-374.

[13] Petrushko E.N., Turyansky A.A. Main methodological directions for improving the technology for resolving conflicts of interest during public service in the customs authorities of the Russian Federation // APRIORI. Series: Humanities. 2015. № 1. S. 1-17.

[14] Rykhlova E. A. Practice and problematic issues of competitive selection for entry into the service of customs authorities // Problems of economics and legal practice. 2015. № 1. S. 111-116.

[15] Federal Law of 17.07.2009 No. 172-FZ "On Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts and Draft Regulatory Legal Acts" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2009. № 29. Art. 3609.

[16] Decree of the Government of the Russian Federation of 26.02.2010 No. 96 "On anti-corruption expertise of regulatory legal acts and draft regulatory legal acts" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2010. № 9. Art. 978.

[17] Order of the Federal Customs Service of Russia dated 29.12.2020 No. 1162 "On Approval of the Procedure for Conducting Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts and Draft Regulatory Legal Acts of the Federal Customs Service" // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://pravo.gov.ru.

[18] Karachina N.O. Corruption risks // Legal technology. 2019. № 13. S. 685-687.

[19] Order of the Federal Customs Service of Russia dated 07.04.2017 No. 548 "On approval of the Instruction on the organization of work on the formation of a personnel reserve... "// Official Internet portal of legal information. URL: http://pravo.gov.ru.

[20] Order of the Federal Customs Service of Russia dated 17.01.2025 No. 35 "On Approval of the Procedure for Notification of the Employer's Representative... on the emergence of personal interest... "// Official Internet portal of legal information. URL: http://pravo.gov.ru.

[21] United Nations Convention against Corruption (adopted by UN General Assembly resolution 58/4 on October 31, 2003) // Bulletin of International Treaties. 2006. № 10. S. 7-54.

[22] Customs Code of the Eurasian Economic Union (Appendix No. 1 to the Agreement on the Customs Code of the Eurasian Economic Union dated 11.04.2017) // Official website of the Eurasian Economic Commission. URL: http://www.eurasiancommission.org..

[23] Federal Law of 03.08.2018 No. 289-FZ "On Customs Regulation in the Russian Federation and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2018. No. 32 (part I). Art. 5082.

[24] Revised Arusha Declaration on Customs Integrity. World Customs Organization, 2003. URL:

http://www.wcoomd.org.

[25] Regulation (EU, Euratom) No 883/2013 of the European Parliament and of the Council of 11 September 2013 concerning investigations conducted by the European Anti-Fraud Office (OLAF) // Official Journal of the European Union. L 248. P. 1-.

[26] Stepanov R. G. Technological and institutional improvement of customs control in the Russian Federation: the economic consequences of smuggling and the role of artificial intelligence // Economics and Entrepreneurship. 2025. № 12 (185). S. 98-103.

